

**РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА****SECTION I. HISTORICAL ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF
HUMAN CAPITAL**

УДК 930.85

**ОБРАЗ «СТАРОЙ РОССИИ» В ПАМЯТИ РУССКИХ АРИСТОКРАТОВ-
ЭМИГРАНТОВ «ПЕРВОЙ ВОЛНЫ»**

DOI: 10.25629/НС.2021.11.01

Карагодин А.В., Петрова О.С., Селунская Н.Б.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Аннотация. В статье рассматриваются источниковедческие и методологические аспекты реконструкции образа императорской России на основе рефлексий эмигрантов первой волны, представляющих различные когорты «образованного общества», в том числе, научную и литературную интеллигенцию, а также родовую аристократию. В задачи авторов статьи входит персонификация «образованного общества», демонстрация различий восприятия политических драматических событий российской истории рубежа XIX–XX вв., а также повседневной жизни. Актуальность исследований подобного рода обусловлена происходящим в мировой историографии «мемориальным поворотом»: сдвигом интересов историков от реконструкции исторических фактов к изучению памяти о прошлом, образов прошлого. Именно образы исторической памяти, как представляется, играют существенную роль в конструировании представления социальных групп и целых наций о прошлом, настоящем и будущем.

Ключевые слова: мемориальный поворот, историческая память, места памяти, источники личного происхождения, эмиграция первой волны, образованное общество, пореформенная Россия, русская революция, Крым, западное россиеведение.

Введение в проблему

Начало XXI в. в отечественной и мировой историографии проходит под знаком «мемориального поворота». В фокусе внимания профессиональных историков оказываются вопросы, связанные с соотношением исторических фактов и памяти о прошлом, разновидностями исторического сознания, репрезентацией исторической идентичности, способов фиксации, сохранения и передачи социально значимой исторической информации, в том числе в виде так называемых «мест памяти» [14].

В рамках мемориальной парадигмы, по определению Л.П. Репиной, «разделяемые образы прошлого в форме различных культурных стереотипов, символов, мифов выступают как интерпретационные модели, позволяющие индивиду и социальной группе ориентироваться в окружающем мире и в конкретных ситуациях настоящего» [17, с.5].

Соответственно, нового осмысления требует историографическая практика, структурирующая серии исторических фактов в упорядоченные нарративы. В рамках формирования «мемориальной идентичности» исторические события изображаются в соответствии с господствующим в обществе или отдельной социальной группе взглядом на прошлое, настоящее и будущее. Восприятие и репрезентация «былого» зависят от условий историко-культурного контекста, статуса и целеполагания историописателя.

«Мемориальная парадигма» вызывала и рефлексии на тему профессиональной идентичности историка и содержания его ремесла в условиях современного «информационного общества», озабоченного не столько реконструкцией прошлого, сколько поддержанием адекватной тем или иным общественным задачам образов памяти об этом прошлом. Если историческая память репрезентирует набор категорий, посредством которых та или иная социальная группа систематически выстраивает свою картину мира во времени и пространстве, то задачей историка-профессионала становится объяснение того, как и почему в процессе исторического развития транслировалась, воспроизводилась, деформировалась или разрушалась та или иная традиция памяти – «это можно назвать историей памяти» [17, с 5–8].

В этом смысле представляют интерес источниковедческие и методологические аспекты реконструкции образа императорской России через рефлексии тех представителей «образованного общества» России, которые не приняли новые исторические реалии периода после революционных событий октября 1917 г. и покинули свою родину, то есть оказались беженцами, но сохранили свой образ, свое восприятие событий и судеб людей близкой и дорогой для них эпохи, в которой протекала их жизнь.

Краткий обзор исследований

Актуальность обращения к теме образа императорской России рубежа XIX–XX вв. связана с оживлением историографического дискурса вокруг темы «империй» как в отечественной, так и зарубежной историографии. Достаточно вспомнить недавно проходившую в режиме онлайн представительную конференцию в Нижнем Новгороде «Пути империй: модели, практики, дискурс наднациональных политий от древности до современности» [16], на которой обсуждались в сравнительно-исторической перспективе проблемы путей развития, национальной специфики и общей типологии устойчиво длящихся, трансформирующихся империй. В зарубежной, особенно в англоязычной историографии, сегодня активизируется такое направление как «новая история империй» («new imperial history»), представители которого используют «имперскую модель» для объяснения, прежде всего, истории Российской империи [18].

Внимание к изучению образа Российской империи обусловлено и внутренними запросами отечественной историографии, в том числе, понятным стремлением российских историков к «фильтрации» картины экономического, социального, духовного состояния Российской империи, представленной в советской историографии через образы «тюрьмы народов», «азиатской деспотии», а в постсоветской популярной литературе – наоборот, подчас чересчур «позитивистским» образом, как «Россия, которую мы потеряли». Особенности современного подхода к изучению образов России удачно сформулированы А. Виноградовым, автором предисловия и комментариев к публикации «Книги воспоминаний» великого князя Александра Михайловича (1866–1933), двоюродного дяди последнего русского императора Николая II и мужа родной сестры императора Ксении (1875–1960), одного из немногих уцелевших членов царствовавшего в то время Дома Романовых. В предисловии к публикации мемуаров говорится: «Образ царской России в течение долгих лет виделся нам только сквозь мутные фильтры «Кратких курсов». В результате этой долгой фильтрации картина ее экономического, социального, духовного состояния... приобретала совершенно искаженный характер: полный мрак, прорезываемый лишь лучом света классово-революционной борьбы... Оставалось только удивляться, как при таком «кровавом режиме», в этой «тюрьме народов»..., «азиатской деспотии» удавалось выигрывать .. войны – и в значительной степени против самых «передовых» государств, подчинив себе одну шестую часть земли...» [3, с. 3].

Следует заметить, что интерес к исследованию имиджа, как негативного, так и позитивного, к формированию образа политика или страны на основе социокультурного подхода можно подтвердить примерами такого рода работ, в центре внимания которых находятся личности государственных деятелей и политиков [17, 15], а также сочинения, посвященные проблемам формирования и взаимодействия образов стран, народов, культур. Наиболее фундаментальными в этом плане являются коллективные монографии «Образы России в мире» [1] и «Имидж России. Концепции национального и территориального брендинга» [8].

Осуществление подобной ревизии в историографии связано с использованием методологии социокультурного подхода и принципа междисциплинарности, в том числе, наработок в области имагологии в практиках исследований образа России, в целом, императорской России, в частности. При этом на первый план выходит так называемое «субъективное измерение», при котором в приоритете находится индивидуальное, персонифицированное восприятие исторических событий их современниками, очевидцами, участниками. Как отмечается в литературе, посвященной проблемам россиеведения, особенности формирования образа Российской империи на Западе привлекают внимание и современной зарубежной историографии [6].

Результаты и их обсуждение

Очевидно, что пристальное изучение заявленной темы позволит не только внести вклад в современное историческое знание об образе Российской империи конца XIX – начала XX в., что будет способствовать развитию такой новой области истории как изучение памяти (“memory studies”), но раскрыть и персонифицировать историко-содержательное наполнение концепта «образованное общество», весьма широко используемого в отечественной и зарубежной историографии, посвященной объяснению российской истории названного периода.

В отечественной дореволюционной историографии, а также в западном россиеведении понятие «образованное общество» употреблялось как оппозиция невежественному крестьянству и содержало не только социальные критерии дифференциации российского социума, но и отличительные ментальные характеристики, в основном, сводящиеся к отождествлению образованного класса с западными ценностями («вестернизированное образованное общество»), в противоположность патриархальному российскому крестьянству, носителю традиционных ценностей. Именно это прочтение было развито в постсоветской российской историографии в 1990-е гг. сторонниками цивилизационного подхода [9].

В предисловии к вышедшему в 1991 г. в Принстоне на английском языке сборнику статей с говорящим названием «Между царем и народом. Образованное общество и поиск публичной идентичности в поздней императорской России» авторы прямо указывают: «Русским словом “общественность” обозначалось образованное общество, чье чувство идентичности основывалось на идее о различии между русской “нацией” и русским “государством”, и, следовательно, идее о том, что будущее России зависело от того, удастся ли ей найти верный баланс между автономной общественной инициативой и государственной властью» [22, с.3]. «Общественность», или образованное общество, таким образом мыслится не как класс, обладающий в той или иной мере осмысленными социально-экономическими интересами, а как неформальная, но при этом довольно авторитетная группа образованных русских, желающих способствовать «прогрессу России». Иными словами, «образованное общество» интерпретируется как конструкт, репрезентирующий единую по социальным и ментальным характеристикам группу российского социума, объединенную, в том числе, и общей идентичностью, системой ценностей, восприятием исторических событий эпохи императорской России конца XIX – начала XX в., воссозданием единого образа России.

Зачастую в литературе имеет место отождествление «образованного общества» и аристократии, что подается как своего рода «русская специфика». В этом смысле представляется важным раскрыть несомненную гетерогенность «образованного общества» Российской империи как в плане социальных, гендерных и ментальных аспектов, так и конструировании образа Российской империи, в целом. Вот почему в задачи статьи входит персонификация «образованного общества», демонстрация на конкретных примерах различий восприятия его представителями политических драматических событий российской истории рубежа XIX–XX вв., а также повседневной жизни.

Заметим, что не следует отождествлять восприятие своей страны представителями царствовавшей династии и «образованным обществом» Российской империи. В «ближнем круге» императора образ России в переломную эпоху, накануне драматических событий первых десятилетий XX в. был весьма мозаичен, неоднозначен по оценкам и восприятиям, а часто отличался противоречивостью суждений одного и того же человека. Уместно вспомнить, что великий

князь Александр Михайлович писал в своих воспоминаниях: «Тот иностранец, который посетил бы С.-Петербург в 1914 году, перед самоубийством Европы, почувствовал бы непреодолимое желание остаться навсегда в блестящей столице российских императоров, соединяющей в себе классическую красоту прямых перспектив с приятным увлекающим укладом жизни, космополитическим по форме, и чисто русским по своей сущности» [3, с. 196]. И тут же в дополнение к «образу» России: «Первое десятилетие XX века, наполненное террором и убийствами, развинуло нервы русского общества... Племянник кардинала, русский мужик и банкир считали себя накануне войны владельцами России. Ни один диктатор не мог бы похвастаться их положением» [3, с. 198].

Для реализации поставленной цели следует на конкретно-исторических примерах продемонстрировать особенности восприятия и многогранность образа Российской империи в среде русских эмигрантов, представляющих различные когорты «образованного общества», в том числе, научную и литературную интеллигенцию, а также представителей родовой аристократии. Методология изучения памяти ("memory studies"), предполагает привлечение эго-источников – мемуаров, дневниковых записок, личной переписки – в качестве источниковой базы исследования и экземплификации опыта использования социокультурного подхода к их анализу с целью реконструкции образа императорской России конца XIX – начала XX в. на основе рефлексий эмигрантов первой волны из «образованного класса» России.

Предпочтение к использованию такой разновидности исторических источников, как мемуарные, определилось содержанием поставленной проблемы изучения восприятия России представителями «образованного общества», находящихся в эмиграции. Именно в такого рода источниках историк может проследить «личный фактор», в данном случае, субъективное отношение. В текстах отражены личные оценки и восприятия отдельных аспектов жизни российского общества, которые, в то же время, персонифицируют в какой-то степени и оценки, и восприятие России конца XIX – начала XX в. Таким образом, личные высказывания, суждения, оценки, высказанные представителями элит, одновременно приобретают больший масштаб и значимость, нежели те, которые свойственны простому обывателю.

Возможность получения информации из «противоречивых источников» – представителей различных кругов российского высшего общества по их профессиональной, социальной идентичности общественно-политическим настроениям также «придает объем» восприятиям и оценкам авторов мемуаров. Именно выявленная специфика привлеченных мемуарных источников существенно корректирует оценку их информативной ценности, достоверности и полноты для реконструкции на основе анализа мемуарных текстов многоликого образа России в восприятии представителей образованного общества нашей страны в изгнании в драматический период российской и мировой истории конца XIX – начала XX в.

Реконструкцию образа Российской империи конца XIX – начала XX в. в восприятии «образованного общества» представляется обоснованным начать с групповой характеристики эмигрантов, представляющих, несомненно, элитарные слои российского общества. В современной литературе, посвященной анализу причин «массового русского исхода из России в 1920-е гг.», подчеркивается преобладание среди «многочисленных выходцев из интеллигенции» мотивации психологического характера. Этой мотивацией было стремление к спасению и сохранению культурных ценностей, осознание своей главной миссией быть носителями национальной культуры, «оставаться русскими в иной культурной среде» [11].

Особенно это относится к эмигрантам так называемой «первой волны», которые «ушли из России, в себе понесли Россию – носят в себе доселе» [21, с. 118.]. Эмиграция не была «рациональным просчетом жизненных стратегий», она была вызвана «желанием укрыться в безопасном месте, переждать до лучших времен» [12]. Эмигрантами «первой волны» были представители интеллигенции и российской аристократии, которые и находятся в фокусе внимания авторов статьи. Именно в процессе «самосознания», который для интеллигенции был своеобразным способом ее существования и «саморазвития», можно наблюдать и сохранение русской эмиграцией культурно-исторической памяти о своей родине, памяти об общем прошлом, представлений и

оценок исторических событий, свидетелями, участниками которых были эти беженцы из России и память о которых их объединяет, составляя основу их групповой идентичности [17].

Любопытные слова члена Государственной думы Н.Н. Львова приводит в своих воспоминаниях князь А.Д. Голицын, политический деятель, уездный предводитель харьковского дворянства, член Совета правления Русско-английского банка, член 3-й Государственной думы, в 1925 г. ставший одним из организаторов Союза русских дворян во Франции: «Помещичий быт отошел в вечность, возродиться ему нет никакой возможности, но следует сохранить его облик до мельчайших подробностей... Для потомства будет чрезвычайно важно воскресить эту своеобразную культуру, которая в XIX в. дала нам таких непревзойденных литературных гениев, как Пушкин, Лермонтов, Тютчев, два графа Толстых, Тургенев. Этот быт был очагом культуры, просвещения и прогресса среди моря невежества, грубости и отсталости, в которые была погружена остальная Россия, составляющая девяносто процентов всего населения.... Я по памяти хочу восстановить рисунок той мебели, которая наполняла мою усадьбу...она является лучшим доказательством того просвещенного вкуса, которым обладали наши предки.... Вы должны писать... Вы этим дадите будущему исследователю богатый и ценный материал для установления быта и условий жизни эпохи, ныне отошедшей в вечность и более неповторимой» [5, с. 6].

Как показывает опыт работы с мемуарными источниками представителей научной, литературной интеллигенции, составляющих «образованное общество» Российской империи, их восприятие истории своей родины, отдельных ее событий могли и существенно различаться как по запечатленным в их памяти эпизодам, так и их эмоциональным оценкам.

Несомненно, ярко проявляется в мемуарах эмигрантов российского образованного общества «травма памяти», связанная с отречением Николая II. Свидетельством тому являются воспоминания графини П.С. Уваровой (1840–1924), написанные в Югославии, на побережье Адриатики, куда ее семья переехала в разгар Гражданской войны в России. Авторское название воспоминаний – «Былое. Давно прошедшие счастливые дни» [20]. Для графини Уваровой началом катастрофы, «точкой невозврата» стали события марта 1917 г., когда «окруженный со всех сторон изменой и, вероятно, теряясь среди людей, его окружавших и ему изменивших, Государь 15 марта 1917 г. отрывается от престола» [20, с. 235]. Она искренне считала, что «акт отречения вполне обрисовывает личность несчастного Государя, любившего и доверявшего народу русскому, но слишком мягкого, честного и благородного, чтобы распутываться в придворных интригах и пресекать в корне вражки интриги и давно ведущуюся против Царя и Отечества подпольную пропаганду» [20, с. 235]. В ее понимании – император, олицетворяющий Отечество, и все верные ему и, следовательно, Отечеству подданные, находились на одном фронте этой войны, на противоположном фронте были враги, «которые мнили Его заместить и тем самым составить счастье и благополучие России», но «своею неспособностью, неподготовленностью и сомнением загубили ее на многие, многие годы» [20, с. 236]. Далее в мемуарах раскрываются подробности ареста и «мученической кончины» императорской семьи, дается оценка этим событиям. Интересно, что для автора не имеет значения, что вышеупомянутые действия были совершены разными силами. И Временное правительство, и большевики для П.С. Уваровой – «самозванные выразители воли народной» [20, с. 237]. Она твердо заявляла на страницах воспоминаний, что не собирается описывать «безобразия, творимые во имя свободы и благоденствия народных масс, которыми драпировались все искатели приключений, восходящие и нисходящие во власти с падения царской власти» [20, с. 237].

Эмоциональная оценка, нетерпимое отношение к врагам Отечества пронизывают ее воспоминания о событиях 1917–1919 гг. Так, говоря о беспорядках в Москве в 1917 г., П.С. Уварова живописала происходившее на улицах: «стрельбу, крики и гвалт», добавляя красок и давая определенную оценку и объяснение событиям. По ее мнению, происходило это от «толпы и даже все более опьяневших от свободы солдат, матросов и всех подонков столицы» [20, с. 236]. Иначе как «страшным психозом, который охватил несчастную Россию» [20, с. 237], нельзя было назвать увиденное. П.С. Уварова, как и многие ее современники, страдала над «разрухой страны..., горем родного народа..., повсеместным падением нравственности..., повальным

уничтожением всех сокровищ и устоев, собранных и сохраненных веками на пространстве нашего обширного отечества» [20, с. 237]. Графиня Уварова, чья жизнь прошла под знаком сохранения памятников древности, с болью, очень подробно останавливалась на описании «разграблений» дворцов, на том, как небрежно перевозятся архивы и библиотеки, что грозит утратой этих сокровищ.

Подобные оценки дает и художественный критик С.К. Маковский в своих мемуарах «На Парнасе Серебряного века». Весной 1917 г. он уехал из Петрограда в Крым, будучи уверенным, что никогда не вернется. По его словам, «Россия погружалась в кровь и грязь неудержимо» [12, с. 451]. Примеру С.К. Маковского последовали многие представители «образованного общества»: «осенью 1917 года на крымском побережье – от Гурзуфа до Севастополя – собралась целая колония петербуржцев и москвичей в своих поместьях и на дачах, построенных на сравнительно недавно приобретенных участках. Здесь жили, не слишком общаясь друг с другом, но все же забыв немного из-за общего «несчастья» о словесных перегородках, и аристократия, и представители купеческой и промышленной знати: семья Харитоненко в гостинице «Россия» (Ялта), Ханенко, Бруновы, Ушковы, французские подданные из московских богачей Гужон, княгиня Тенишева с княгиней Четвертинской, кн. Щербатовы, гр. Мордвиновы, гр. Елизавета Владимировна Шувалова, кн. Гагарины, Раевские и кн. Барятинские (на ялтинской «вилле роз» Сербилляр), хан Нахичеванский во дворце крикливо-восточного вкуса по дороге в Ливадию (где проживала вдовствующая императрица), вел.кн. Александр Михайлович с Ксенией Александровной и Александра Петровна Ольденбургская (в Дюльбере), рядом – кн. Юсуповы и Долгорукова (Кореиз), гр. Воронцова (Алупка), Иван и Николай Сергеевичи Мальцовы и Сергей Иванович, женатый на кн. Барятинской, кн. Урусовы (Симеиз), Григорий Ушков (имение Форос)... Никогда, кажется, не закончить бы этого списка, если бы называть не тех только, кого я знал лично, с кем так или иначе был связан в Петербурге» [12, с. 574].

Л.Л. Васильчикова (урожденная княжна Вяземская, дочь князя Леонида Вяземского, генерал-адъютанта Александра III и Николая II, жена князя Иллариона Васильчикова, члена Государственной думы и ученика П.А. Столыпина), также переехала в начале революционных событий из Петрограда на Южный берег Крыма, в имение великого князя Георгия Михайловича «Харакс». В своих воспоминаниях она оставила такое описание: «В Страстной вторник первые немцы появились в Ялте, а в среду они проследовали по верхнему шоссе на Севастополь... Глядя на состояние их лошадей и на совершенство снаряжения, можно было думать, что они только что выступили из своих казарм в Потсдаме... Появление германской армии оказало магическое действие на крымское население, и большевистский дух выветрился немедленно... германские власти были изысканно вежливы и предупредительны с населением, которое они спасли своим быстрым приходом... они нас разочаровали тем, что не расправились с виновными... Жизнь в Крыму казалась раем. К красоте природы прибавлялось чувство безопасности. Так продолжалось до осени, когда началась в Германии революция и когда немцы эвакуировали свои войска... Одесса была занята французским флотом, Крым перешел во французскую зону влияния» [2, с. 438].

В апреле 1919 г., когда Красная армия вновь вступила в белый Крым, большинство представителей аристократии были эвакуированы на кораблях британского военного флота, однако некоторые, как владелец южнобережного имения Симеиз, генерал в отставке И.С. Мальцов с сыном и невесткой, побыв некоторое время на Мальте, вернулись, и судьба их сложилась трагически. Как писал С.К. Маковский: «многие из *ci-devant* («бывших»), не успевшие или не захотевшие бежать, были убиты бесчеловечным образом: и восьмидесятилетняя старушка – милая княгиня Барятинская, и Мальцовы, старшие и младшие. Вместе убиты были мои друзья-симеизцы: Мальцовы Иван Сергеевич и сын его Сергей Иванович с женой Барятинской, и Семенова, и ее отец-генерал; всем по очереди – пуля в затылок. Бела Кун не тронул только малолетних сына и дочь Сергея Ивановича Мальцова, которых увезли вглубь России. Лишь со временем удалось их выписать за границу через английское посольство» [12, с. 577]. Л.Л. Васильчикова, также выехавшая в 1919 г. на Мальту, откуда далее в Европу, сообщала, что Мальцовы

«остались на Мальте до того момента, как Врангель освободил Крым, и, обрадовавшись случаю вернуться домой, поехали назад в Ялту (...), не захотели уехать и погибли. (...) Мальцов и его жена были расстреляны в собственном саду» [2, с. 538].

Далее, «перебирая свои крымские воспоминания», она писала: «будь мы тогда более дальновидны и менее оптимистичны и пойми мы серьезность политического положения в разных фазах революции, мы бы повели себя во многих отношениях мудрее. На повторные вопросы младшего поколения, как мы могли не понять уже тогда, что это было начало конца, могу только ответить, что ко всему привыкаешь и что степень опасности определяется только, когда она уже за спиной, тем более что после пережитых нами ужасов Крым казался раем, стоявшим вне бешеного урагана, несущегося по остальной части России» [2, с. 418].

В известной степени, «раем» представителями привилегированного «образованного общества» представлялась вся покинутая ими «былая Россия». Наиболее яркие строчки в этом плане принадлежат перу А.Д. Голицына. В своих «Воспоминаниях» он сообщает: «...все то, что было на нашей родине и сравнивая со всем здешним, я должен констатировать, что не только в области рыб, но решительно во всём – было гораздо ярче, сильнее, определеннее. Возьмите, например, хотя бы здешние цветы. Разве можно их равнять по запаху с нашими? У нас на родине, когда сад начинал зацветать, в открытые окна нашего дома по мере победного шествия весны врывались периодически волны душистого эфира. Вспомнить только этот одуряющий запах зацветающей черемухи, первого предвестника весны. Кстати, я черемухи здесь, в Европе нигде не видел. А разве можно равнять по силе запаха и яркости цветов нашу сирень со здешней чахлой, бледной пародией на сирень. Нет. (...) Помню, если в период цветения её мне приходилось отлучаться из деревни по делам службы в город, я никогда не задерживался там и, закончив поскорее свои дела, спешил обратно домой, чтобы вновь наслаждаться и упиваться красотой цветения сирени. Какое наслаждение было ночью в этот период весны пройтись по саду, когда три волшебника нашей природы: луна, сирень и соловей, – словно соревновались в силе своего очарования, переплетая световые эффекты с томлением душистых запахов и сладострастием влюблённого напева. (...) Разве можно сравнить наступление и прохождение времен года с тем, что имело место у нас на родине? Насколько ярче и определеннее они обозначались у нас в России. Каждое время года резко отличалось от предыдущего, и его наступление характеризовалось определенными явлениями. Весна сопровождалась, говоря словами поэта, “выставленьем первой рамы” и журчанием ручейков под действием согревающих лучей солнца – не палящего, а именно согревающего. Ручьи текли, не парил зной, и зелень роц сквозила. С наступлением лета вы входили в полосу жары и хорошей солнечной погоды. Осень вам несла в первой своей половине так называемое “бабье лето”, мягкую серенькую погоду и дожди во время второй своей половины. И, наконец, зима дарила вас снегом и морозами. Во всяком случае вы знали, чему держаться, и сюрпризы были редким явлением. Здесь же всё настолько перепутано, что определить рубежи между временами года не представляется возможным (...). Выше я уже имел случай упомянуть о нашем волшебнике - соловье. Но разве можно равнять пение нашего соловья, даже не курского, со здешним. Какая это слабая пародия. Когда я впервые услышал здешнего соловья, я думал, что это птенец учится первым трелям. Оказалось, что это уже законченное пение. Вообще должен сказать, что все птицы в Европе какие-то безголосые. (...) Ещё напрашивается одно сравнение, которое, казалось бы, должно было быть в пользу Франции, которая бесспорно является страной лучших вин. Было бы естественным, чтобы виноград её не имел равного себе по вкусу. Но положи руку на сердце, можно ли назвать абсолютно вкусным, а главное, разнообразным тот виноград, которым наводняется Париж, начиная с августа. На мой взгляд, он крайне однообразен по своему вкусу, водянист, и если и есть разновидность, то разве одна, на которой можно остановиться, – это мускат, да и то надо признать, что он грубоват. Я припоминаю те разновидности десертного и лечебного винограда, который мне приходилось есть в Крыму. Какое разнообразие сортов! Какая сочность! Какая сладость! А изабелла – этот столь распространённый в Крыму виноград. Не было такой виллы, такой стороны дома или ограды, по которым не вилась бы лоза этого синего винограда с присущим ему одному специфическим вкусом» [5, с. 62].

По мнению А.Д. Голицына, виной крушения императорской России стало «запоздание с раскрепощением крестьянства, самого многочисленного класса населения России, от общины», которое «способствовало удержанию его в полном невежестве, в отсутствии понятия института частной собственности - основы гражданских свобод, склонности его к коллективизму, легкости восприятия им идеи коммунизма и подавлению в крестьянстве стремления к частной инициативе» [5, с. 535].

Совершенно другой ракурс восприятия Российской империи можно увидеть, анализируя записи и наблюдения известного российского литератора и писателя А.И. Куприна, которому была свойственна идеализация «западного мира», представления о прогрессе человека и общества как движения по пути вестернизации, европеизации. Не случайно его записках во время пребывания в Финляндии он постоянно проводит сравнения России и Финляндии, их культур и их народов. Нельзя не заметить, что для А.И. Куприна характерна идеализация созданного им образа: «Финляндия поистине демократична. Демократична вовсе не тем, что в ней при выборах в сейм победили социал-демократы, а потому, что ее дети составляют один цельный, здоровый, работающий народ, а не как в России – несколько классов, из которых высший носит на себе самый утонченный цвет европейской полировки, а низший ведет жизнь пещерного человека. И кажется, в этой-то народности – я бы сказал: простонародности – и коренится залог прочного, крепкого хозяйственного будущего Финляндии». Автор свидетельствует о различии между Россией и Финляндией и в том, что «Финляндия, от Куокколы до Кеми, в чистых деревнях и городах не имеет никакого понятия о вшах, блохах, клопах и тараканах, столь обычных в русском обиходе» [10, с. 338–339].

В этой связи любопытно сравнить два образа Южного берега Крыма – в мемуарах А.Д. Голицына и Л.Л. Васильчиковой, с одной стороны, и поэта М.А. Волошина, также, несомненно, принадлежавшего к «образованному обществу» императорской России, однако оставшемуся в России советской – с другой. Вот как описывает Южный берег А.Д. Голицын: это «место, где богатая южная природа с невиданными экземплярами флоры чередовалась с благоустроенными курортами, роскошными дворцами, татарскими саклями, уютящимися под скалами, и снова дворцами, парками, виноградниками.... На южном побережье Крыма выгодно сочетались нетронутая природа с высшей культурой. Рядом с девственными лесами, покрывающими горные массивы, вы могли наслаждаться огромными парками, окружающими все там находящиеся дворцы, сообщаться на всём побережье по чудно сооруженным шоссе, восхищаться высокой культурой виноградников и рядом с этим в Ялте пользоваться всеми благами курортного центра... Здесь природа повсюду сохранила свои преимущественные права. Всё воздвигнутое на побережье усилием человеческих рук только способствовало возвеличиванию и украшению его» [5, с. 66].

А вот характеристика, данная тому же культурному ландшафту М.А. Волошиным: «...МагOMETов рай уничтожен дочи́ста. Взамен пышных городов из “Тысячи и одной ночи” русские построили несколько убогих уездных городов по российским трафаретам. Древняя Готия от Балаклавы до Алустона застроилась непристойными императорскими вилами в стиле железнодорожных буфетов и публичных домов и отелями в стиле императорских дворцов. Этот музей дурного вкуса, претендующий на соперничество с международными европейскими вертепами на Ривьере, очевидно, так и останется в Крыму единственным монументальным памятником «Русской эпохи» [4, с. 130].

Такие диаметрально противоположные оценки одно и того же феномена в «пространстве памяти» – лишний аргумент в пользу того, что трактовать революцию и Гражданскую войну в России в 1917 – начале 1920-х гг. следует в широком смысле, как конфликт не только социально-экономический, но и социокультурный, ментальный. Подходы такого рода уже намечены в литературе – так, американский исследователь Стивен Фрэнк в ряде работ, посвященных феноменам правовых конфликтов и ментальных недопониманий между представителями разных сословий в городе и деревне в начале XX в. (сельские «самосуды», «хулиганство» крестьянской молодежи в крупных городах), делает вывод о социокультурном характере сложившихся обществен-

ных противоречий, разным видении «путей модернизации» [23]. В известной степени, речь может идти о том, что ленинская фраза «верхи не могут управлять по-старому, а низы не хотят жить по-старому», объясняющая революционную ситуацию в России, наполняется новым содержанием, имеющим отношение не только к социально-экономическим противоречиям, но и к противоречащим друг другу социокультурным репрезентациям прошлого, настоящего и будущего. Дальнейшая разработка обширного корпуса мемуаров представителей императорской России в ракурсе изучения особенностей исторической памяти и идентификации образа «старой России», несомненно, будет способствовать историческому объяснению.

Библиография

1. Барабаш В.В., Бордюгов Г.А., Котеленец Е.А. Образы России в мире. М.: Ассоциация исследователей российского общества, 2010. 296 с.
2. Васильчикова Л.Л. Исчезнувшая Россия: Воспоминания княгини Лидии Леонидовны Васильчиковой, 1886–1919. СПб.: Петербургские сезоны, 1995. 543 с.
3. Великий князь Александр Михайлович: Книга воспоминаний / Предисл. и коммент. А. Виноградова. М.: Современник, 1991. 271 с.
4. Волошин М.А. Культура, искусство, памятники Крыма // Крым: Путеводитель / Под общ. ред. И.М. Саркизова-Серазини. М.-Л.: Земля и фабрика, 1925.
5. Голицын А.Д. Воспоминания. М.: Изд-во «Русский путь», 2008. 606 с.
6. Журавлева В.И., Фоглесонг Д.С. Русский «Другой»: формирования образа России в Соединенных Штатах Америки (1881–1917) // Американский ежегодник. 2006. № 2004. С. 233–281.
7. Зорин В.А. Проблема восприятия образа политика в контексте изучения его личности // Политическая психология. М.: «Аспект Пресс», 2018. С. 379–390.
8. Имидж России: концепция национального и территориального брендинга / И.А. Василенко, Е.В. Василенко, Н.Н. Емельянова, В.Н. Ляпоров, А.Н. Люлько / Под ред. И.А. Василенко. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Экономика, 2014. 247 с.
9. Иноземцев В. «Центр» и «Периферия»: вызревание расколотой цивилизации // Свободная мысль - XXI. 2003. № 11. С. 3–8.
10. Куприн А. Мы, русские беженцы в Финляндии: Публицистика (1919-1921). СПб.: Журнал «Нева», 2001. 431с.
11. Макаренкова Е.М. Проблема самоидентификации эмигрантов во Франции // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2007. №20. С. 240–241.
12. Маковский С.К. Портреты современников: Портреты современников. На Парнасе «Серебряного века». Художественная критика. Стихи. М.: Аграф, 2000. 768 с.
13. Марченко Т. Первая волна русской эмиграции // Русская мысль [Электронный ресурс]: https://www.domrz.ru/press/smi_about_us/22442_pervaya_volna_russkoy_emigratsii_statya_tatyan_y_marchenko/ Дата обращения: 01.07.2021
14. Нора П., Озуф М., Пюимеж Ж., Винок М. Франция-память. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1999. 325 с.
15. Образы российской власти от Ельцина до Путина: [Блинов В.В. и др.]; под ред. Е.Б. Шестопаля. М.: РОССПЭН, 2009. 415 с.
16. Программа Международной конференции Семнадцатые чтения памяти профессора Н.П. Соколова «Пути империй: модели, практики, дискурс наднациональных политий от древности до современности» // [Электронный ресурс]: http://www.imomi.unn.ru/images/news/2020/11/Программа_Соколовские_2020_макет3.pdf Дата обращения: 01.07.2021
17. Прошлое для настоящего: История-память и нарративы национальной идентичности: коллективная монография. Под общ. ред. Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2020. 464 с.

18. Селунская Н.Б. Спасение от забвения...: репрезентация прошлого в источниках исторической памяти // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2020. № 4. С. 114–131.

19. Селунская Н.Б. In Search of the Best Explanation of Russian history // Былые годы. 2016. №. 41(1). С. 874–882.

20. Уварова П.С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни. М.: Государственный Исторический музей, 2005. 368 с.

21. Шмелев И.С. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 2: Въезд в Париж: Рассказы. Воспоминания. Публицистика. М.: Изд-во «Русская книга», 2001. 507 с.

22. Between tsar and people: Educated soc. a. the quest for late imperial Russia / Ed. by Edith W. Clowes et al. Princeton (N.J.): Princeton univ. press, Cop._1991. 383 p.

23. Frank S. Crime, cultural conflict, and justice in rural Russia, 1856-1914. Berkeley, University of California Press, 1999. 352 p.

THE IMAGE OF "OLD RUSSIA" IN THE MEMORY OF RUSSIAN ARISTOCRATS-EMIGRANTS

DOI: 10.25629/HC.2021.11.01

Karagodin A.V., Petrova O.S., Selounskaya N.B.

Lomonosov Moscow State University

Abstract. The article examines the source and methodological aspects of the reconstruction of the image of Imperial Russia in the reflections of the emigrants of the first wave, representing various cohorts of "educated society", including academic and creative elites, as well as the ancestral aristocracy. The tasks of the authors of the article include the personification of the "educated society" and the demonstration of the differences in the perception of dramatic political events in Russian history at the turn of the XIX–XX centuries, as well as of everyday life. The relevance of this kind of research is due to the "memorial turn" taking place in world historiography. It means the shift of historians' interests from the reconstruction of historical facts to the study of the memory and images of the past. In this perspective, it is the images of historical memory that seem to play an essential role in constructing the representation of social groups and entire nations about the present and the future.

Keywords: memorial turn, historical memory, places of memory, sources of personal memory, Russian emigration of the first wave, educated society, late Imperial Russia, Russian revolution, Crimea, Russian studies.